

На первый взгляд, сравнение Борислава Пекича и Доситея Обрадовича кажется необычным. Что общего у этих двух писателей, кроме чисто внешнего обстоятельства, что оба некоторое время жили в Лондоне?

Но для начала достаточно и этого. Даже из этого проистекают еще, по крайней мере, три сходства, о которых уже нельзя сказать, что они внешние.

Прежде всего, о Лондоне. Пекич приехал в этот город в 1971 году и жил там с перерывами два десятилетия. Доситей приехал в Лондон в 1784 году и пробыл там всего три месяца. Но и этих трех месяцев Доситею было достаточно, чтобы стать англофилом. Скерлич даже говорит «англоманом» (1). Доситей читает Бекон, Попа, Свифта, Честерфильда, Дефо. Он, первый известный писатель в сербской литературе, переводит с английского. И не только переводит. Доситей восхищается англичанами. Он считает их «самым просвещенным народом в Европе», а их литературные произведения – «божественными англискими книгами».

Пекич, разумеется, не англоман. Но англофил. Он хорошо знал английскую культуру, как и то, что мы по-шпенглеровски могли бы назвать «британской цивилизацией». Пекич видел и все недостатки Острова. Но верил, что сербы могут многому научиться у англичан. Прежде всего разборчивости, здравому разуму, способности трезво видеть свои интересы и свое истинное место в мире, своих друзей и врагов... Это уважение к здравому разуму и его британскому воплощению и есть, стало быть, первая общая черта духа Пекича и Доситея.

Вторая значительная общность, которая опять же неким образом проистекает из их особенной разновидности англофильства, - это преданность свободной мысли. Доситей восхищается англичанами как раз потому что они «мыслят свободнее всех европейских народов, во имя великой славы, гордости и благополучия человеческого рода». И Пекич, конечно, ценит храбрость инакомыслия и право не быть преследуемым

за это. Именно потому, что он жил во времена, когда модно было свободно мыслить только про себя, и именно потому, что дорого заплатил за эту свободу. Пекич умел ценить то, что мы сегодня считаем почти само собой разумеющимся.

Но для обоих свобода мысли касается не только отношений между государством и личностью, властью и гражданами. Свобода мысли – это и часть способностей граждан, их культуры и знаний. Чтобы люди действительно свободно мыслили, необходима элементарная просвещенность, знание о мире, в котором они живут. Потому и Доситей, и Пекич требуют от сербов просвещенности, требуют улучшить своё образование. Мы знаем, сколько Доситей над этим работал. А у Пекича есть несколько мест в его работах, по которым видно, насколько фундаментально он размышлял над этой проблемой и сколько действительно высоких и серьезных советов дал для этого (2). И конечно, оба знают, что и просвещение само по себе не достаточно. Необходимо еще нечто, что развивается вместе с просвещенностью, и что также необходимо осознавать и возвращать. Это терпимость, готовность уважать чужое мнение, открытость к другому, недогматичность. Терпимость и отказ от всякого доктринерства – это то общее в свободомыслии двух таких разных характеров как равнинно мирный Доситей и по-горски резкий Пекич. Терпимость и неприятие всяческой упертости – это тот фундамент, на котором мы должны строить современную сербскую культуру и свободу мышления как ее ключевую черту.

Третья их общая черта это любовь к родине, патриотизм. Оба они патриоты, несомненные патриоты. Это необходимо сказать потому, что в течение некоторого времени Доситея, потом вышеупомянутого Скерлича, а завтра может быть и Пекича, кто знает, используют в качестве некоего символа гражданского европеизма в Сербии. Однако, это европеизм, как его представляет одна, должен заметить, упертая и политизированная фракция нашей культурной элиты, совершенно противоречит традиции, которая существовала у сербской интеллигенции в течение последних двухсот пятидесяти лет. Таким образом, Доситея, как якобы представителя этого европеизма, противопоставляют Вуку, как символу некоего националистического и популистского идолопоклонства. Такое разделение по истине бессмысленно. Действительно, патриотизм Доситея и Вука различался. У первого он был более просветительским, а у второго более народническим. Но в обоих случаях это был патриотизм, искренняя приверженность к своему народу и глубокая, почти отеческая, любовь к нему.

Они видели у сербов не только недостатки, грубость, насилие. Они в своих творениях не ругали без конца сербов (с неким поистине садистским жаром!), как это делают теперь корифеи нашего европеизма. Доситей написал оду Сербии – «Восстани, Сербия!» - которую наши граждански настроенные круги сегодня, наверное, оценили

бы как «националистическую» и «военно-подстрекательскую». Доситей – тот приглашенный седовласый господин со шляпой-треуголкой и дворянской тростью, пришел в дикую и грязную Сербию, чтобы ей помочь. Он, старик, которому необходимо еще немного удобства и покоя на несколько оставшихся лет жизни, этот старец приезжает во взбунтовавшуюся гайдуцкую Сербию, в дом из необожженного кирпича и с земляным полом, в воюющий Белград, окруженный древними непроходимыми лесами, редкими селами, под Оттоманской империей, из которой вот-вот отправится еще одна карательная экспедиция. Наши «европейцы» видят сегодня только Доситея-министра, видимо, только на такой должности они сами готовы были бы помогать своему народу. Но быть министром в тогдашнем и теперешнем Белграде – не одно и то же. Для Доситея это были муки и страдания, которые ему, будь он всего лишь просвещенным эгоистом, на самом деле не были бы нужны. Но Доситей не был просвещенным эгоистом. Он был просвещенным патриотом. В том-то и вся разница. И все величие.

И Пекич был просвещенным патриотом. Он хорошо знал все недостатки своего народа. Он писал об этом возвышенно и остро, неумолимо ставя все на свои места. Но Пекич не считал, что всякая любовь к своему народу ошибочна, что в корне всякой нации есть некое великое нераскаянное злодейство (3). Он говорил о «благородном ощущении принадлежности народу» (4). Говорил об «обязанности по отношению к нему, даже если он лично вас не сделал счастливым» (5). Говорил о «готовности и к защите его естественных, но разумных интересов и его права на достойную и счастливую жизнь, где бы он ни находился» (6). Вот таков трезвый, хозяйский патриотизм Борислава Пекича. Из-за этого патриотизма он, как и Доситей, возвратился в Сербию и последние годы жизни провел, глотая слезы и получая дубинкой по спине.

Вообще в те годы Пекич имел возможности насмотреться и на другую разновидность патриотизма – упертую, корыстолюбивую, хвастливую и невежественную. Он писал и говорил против такого патриотизма. Между тем, если бы он сейчас был жив, Пекич, видимо, устно и письменно выступал бы и против сегодняшней разновидности европеизма – такой же упертой, корыстолюбивой, хвастливой и невежественной. Потому что его европеизм, как и у Доситея Обрадовича, был другого сорта. Космополитизм Доситея и Пекича основывались не на видении мира как безграничного рынка, на котором люди сегодня встретятся, осуществят свои дела и пойдут дальше. Их ойкуменой был не тот мир, с одной стороны которого существуют индивидуумы, разобщенные в своей собственности и своей инфантильной самовлюбленности, а с другой – рынок, всемирные банки, международные корпорации, мировые державы и глобальные полицейские. Пекич такой мир без единства, в котором «люди не интересуют друг друга», описал в «Новом Иерусалиме» (7). Это мир «болезненного индивидуализма и материализма» 2999 года, далекого будущего, где существуют только доведенные до крайности черты современности, которые Пекич с озабоченностью увидел еще двадцать лет назад.

Если бы мы спросили себя, а каков космополитизм Пекича и Доситея, мы увидели бы его как выступление за мир открытых наций, ойкумену свободных и просвещенных народов, с самостоятельными культурами, взаимопроникающими, но не сливающимися. Это не мир одного языка, одной литературы, одного кино-города, одной театральной улицы и одной картинной галереи. Это не мир Римской империи, где быть писателем или художником можно только в одном месте – в Риме. Их Европа не подразумевает только свободу капитала и рабочей силы, их Европа не только рынок рабов и денег, их Европа – не котел для переплавки наций и культур в единую безликую массу, без цвета и вкуса. Их Европа – не рынок, а Академия и Лицей, Джотто и Андрей Рублев, Агора и Хиландар. Их Европа – не горшок для каши, а корзина, полная фруктов, всякий из которых по-своему вкусен. Их Европа – не сверхдержава, состоящая с одной стороны из брюссельской бюрократии, а с другой – из миллионов местных подданных с мозгами, затынутыми в обручи политкорректности. Их Европа – Европа наций просвещенных и осознающих себя, Европа культур, различных и гордых своей особенностью.

Поэтому необходимо вспомнить Доситея и Пекича. Не только в этом году, когда исполняется 15 лет со дня смерти Пекича и 200 лет приезда Доситея в Сербию. Их надо помнить и в следующем году и во все последующие годы. Может быть, это воспоминание поможет нам лучше понять, кто мы и что должны делать. Может быть, это воспоминание поможет нам, наконец, стать тем, что оба так горячо желали – нацией морали, культуры и свободы.

Выступление Слободана Антонича на собрании «Борислав Пекич – политика и демократия», состоявшемся 23 октября 2007 года, организованного Исследовательско-издательским Центром Демократической партии и Фондом им.Борислава Пекича.

Примечания:

(1) – Йован Скерлич, «История новой сербской литературы», изд-во «Просвета», Белград, 1967г., стр.94. Все цитаты из Доситея приводятся по Скерличу.

(2) – Борислав Пекич, «Политические тетради», часть 4, http://borislavpekić.blogspot.com/2007_04_01_archive.html

(3) – «Нация – это реликт варварского вида организации общества», «политическое зло лежит в основе возникновения нации из духа злодейства». Поэтому всякое национальное самосознание есть «молчаливое соучастие в коллективном злодеянии» (Обрад Савич, «Два лица ответственности. Сербия после Джинджича» и Латинка Перович «Зоран Джинджич. Этика ответственности», сборник работ, стр. 193 – 213, Хельсинкский комитет по правам человека в Сербии, Белград, 2006 год, стр. 194, 195.

(4) Борислав Пекич, «Выход из мрака», интервью газете «Демократия», июнь 1991 года, http://borislavpekić.blogspot.com/2007_09_01_archive.html

(5) Там же.

(6) Там же.

(7) «Нолит», Белград, 1988, стр.230.